

Достоевский и Кант: философско-этический смысл полемики

Полемика Достоевского с идеями Канта – центральный смысловой план романа «Братья Карамазовы»¹. В душе и уме Ивана Карамазова сталкиваются тезис и антитезис антиномий чистого разума: вера и неверие в бессмертие («есть ли бессмертие?» - «нет бессмертия»), вера и неверие в Бога («я верую в Бога» - «нет Бога»), утверждение и отрицание свободы (Христос и Великий Инквизитор). Ключевые суждения Канта Достоевским переформулируются и подвергаются опытной проверке. Характерное наблюдение Якова Голосовкера: знаменитое суждение «если Бога нет, то все дозволено» представляет собой парафраз утверждения Канта из «Критики чистого разума» (при господстве антитезиса «моральные идеи и основоположения теряют всякое значение»²).

По мысли Голосовкера, суть «яростного спора» заключается в том, что Достоевский не готов существовать в проблематичном промежутке между тезисом и антитезисом и, вопреки урокам Канта, устремлен к тезису. Анатолий Ахутин добавляет: агностик Кант для всех религиозно настроенных русских мыслителей неизменно выступает «искусителем», «врагом» и едва ли не самим чертом³.

Возникает вопрос: какова причина столь глубокого расхождения судеб русской философии и философии Канта? Идет ли речь – как полагает Ахутин – о непонимании русской мыслью «сути философии и самой жизни»? Или же, напротив, русская мысль открывает в философии Канта существенную и принципиально не решаемую проблему?

Спор Достоевского с Кантом – важный ресурс в поиске ответа на эти вопросы. Нужно, однако, заметить, что и Голосовкером и Ахутиным смысл спора рассматривается исключительно сквозь призму «Критики чистого разума». Как следствие, упускается из виду, что в своих размышлениях о Боге и бессмертии Иван не только не выходит за поставленные Кантом ограничения (как полагают Ахутин и Голосовкер), а, напротив, предельно точно следует логике Канта, постулирующего бытие Бога и бессмертие души (в «Критике практического разума»). Достоевский устами Ивана принимает шаг за шагом все ключевые пункты данного рассуждения (от иерархии идей – религия, вытекающая из потребностей морального сознания, – до положения о невозможности морали в абсурдном мире). Но принимает не для того, чтобы согласиться с Кантом, – напротив, с тем, чтобы в решающий момент бросить ему смертельный вызов.

На первом этапе выявляется слабость морально-теологического аргумента. Идее о том, что зло может быть объяснено будущей гармонией (с которой Кант вполне согласен), Иван противопоставляет знаменитый инверсный тезис: никакой логикой невозможно объяснить страдание невинных существ. Таким

---

¹ См.: Голосовкер Я. Э. Достоевский и Кант. М.: АН СССР, 1963.

² Кант И. Критика чистого разума. Пг., 1915. С. 288.

³ Ахутин А.В. София и Черт // Ахутин А.В. Поворотные времена. М.: Наука, 2005. С. 454.

образом, если у Канта страдание добродетельного человека служит предпосылкой постулата бытия Бога, то у Достоевского именно из страдания невинного существа выводится отвержение созданного Богом мира. Моральная теология замещается моральной атеологией в границах Кантовой логики – логики примата практического разума.

На втором этапе исследуется историческая судьба этики Канта – ввиду открывшейся слабости морально-теологического аргумента. Достоевский принимает тезис Канта о том, что без сверхморальной перспективы моральные идеи теряют свое значение (святость)⁴. Однако, в отличие от Канта, он отказывается объяснять страдание. Невозможность объяснить страдание в сочетании с острейшей потребностью в Смысле – противоречие, которого не знал Кант, и которое *уже* знает Достоевский. Это противоречие составляет суть нового исторического момента: «невозможности вынести мир, который уже не удастся отрицать» (Ницше)⁵. Т. е., иными словами, составляет суть нигилистической ситуации, развившейся, в том числе, из противоречий и парадоксов автономной этики и последующего краха Кантовых постулатов.

Достоевский, таким образом, в полемике с Кантом, прочерчивает линию: от этики автономного абсолютизма – через не снимаемое напряжение парадоксов автономной этики (прежде всего, парадокса порочного добра) – к нигилизму и, далее, к структуре многоэтажного человечества (царству Великого Инквизитора). По мысли Достоевского, данный переход закономерен и неизбежен. Легенда о Великом Инквизиторе предстает «религией в пределах только разума» XIX века, разворачивающей посылки «Религии...» Канта (в частности, посылки о радикальном зле человеческой природы) в новых исторических обстоятельствах, а сам Великий Инквизитор – кантианцем XIX века, лишившимся веры в Смысл.

Выход из нигилистической ситуации усматривается Достоевским в отказе от рационалистических установок Нового времени, в рамках которых онтологически первостепенные идеи ставятся в зависимость от принципа человеческого разума.

Литература

Ахутин А.В. София и Черт // *Ахутин А.В.* Поворотные времена. М.: Наука, 2005. С. 449–481.

Голосовкер Я. Э. Достоевский и Кант. М.: АН СССР, 1963. 104 с.

Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы // *Достоевский Ф. М.* Собр. соч. в 15-ти тт. Т. 8 – Т. 9. Л.: Наука, 1991.

Кант И. Критика практического разума // *Кант И.* Соч. в 6 тт. Т. 4. Ч. I. М.: Мысль, 1965. 544 с.

Кант И. Критика чистого разума. Пг., 1915.

Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей, пер. с нем.

Е.Герцук и др. М.: Культурная революция, 2005.

---

⁴ *Кант И.* Критика практического разума // *Кант И.* Соч. в 6 тт. Т. 4. Ч. I. М.: Мысль, 1965. С. 454.

⁵ *Ницше Ф.* Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей, пер. с нем. Е.Герцук и др. М.: Культурная революция, 2005. С. 34.